Нигяр Мусави

НЕМНОГО ЛИЧНОГО СЕВЕРА

Сначала было слово... Нет, больше – сначала было первая строчка, появившееся в лучшем случае из ниоткуда. В худшем – из яблочной кожуры или запаха сбежавшего кофе. А уже потом эта строчка тянула за собой множество других, которые в итоге принимали форму рассказа. Каждый рассказ – законсервированное настроение, атмосфера или ощущение. Они и вошли в этот сборник.

Нигяр Мусави

НЕМНОГО ЛИЧНОГО СЕВЕРА

Bakı: Qanun Nəşriyyatı, 2012. 224 səhifə. 300 tiraj.

İllustrasiyalar: Fidan Şahin
Zamir Suleymanov

Redaktor: Bella Zakirova

ISBN 978-9952-26-334-3

© Qanun Nəşriyyatı, 2012

Bakı, AZ 1102, Tbilisi pros., II Alatava 9.
Tel: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18
Mobil: (+994 55) 212 42 37
e-mail: info@qanun.az
www.qanun.az

ЛЕТО.
ДРУГИЕ СЮЖЕТЫ

Июнь.
Тест для маньяка

Существует тест, который якобы призван определить, является ли человек латентным маньяком. Это история о том, как некая девушка на похоронах матери встретила мужчину своей мечты, влюбилась в него с первого взгляда, а через пару дней убила собственную сестру. И только латентный маньяк может дать правильный ответ на вопрос, почему она это сделала. Во всяком случае, так утверждает изобретатель теста...

0,6 июня 19... года

...теперь в моей комнате всегда много света, и это словно служит гарантией безопасности... я под защитой солнца, в его золотистом коконе... приходил мальчик с первого этажа – приносил апельсины и мертвого голубя... этакие дары волхвов – стоял, протягивая все это, молча, опустив темную кучерявую голову... «сколько тебе лет?» – «15»... я бы дала меньше...

2 июня 19...года

...бумагу надо прикладывать к кровоточащей ране, как бинт... писать-писать-писать, пока не остановится кровь... а на бумаге останутся красные пятна, ее нужно скомкать и сжечь... я жгу в большой фаянсовой кружке, из которой пью кофе по утрам...

2,5 июня 19...года

...«у меня нет обуви» – сказала я этому типу, когда он вдруг пригласил прогуляться... ляпнула первое, что пришло на ум, но он даже не удивился: «пошли босиком»... в знак солидарности снял свои ботинки и оставил их у моих дверей, словно в каком-нибудь сельском борделе... делать нечего – мы пошли босиком, и я всего разок наступила на ящерицу... а у него невероятно узкие ступни...

3 июня 19... года

...что же я здесь делаю?...в этой квадратной комнате с высокими потолками, похожей на коробку из-под торта... эта мысль будит меня едва ли не каждую ночь, в самый глухой ее час, этакое изящное античное проклятие... и каждую ночь я должна ответить сидящему внутри меня рассеянному волку: «я прячусь здесь... неужто ты забыл, как мы бежали из подожжен-

ного нами же леса?.. спи...»... и он послушно засыпает, свернувшись клубком на дне желудка, а вместе с ним засыпаю и я, и мне снятся бумажные корабли или мальчик с первого этажа в наполеоновской треуголке...

3,8 июня 19... года

...в детстве я была... в детстве меня не было... чье-то другое детство проходило под сенью апельсиновых деревьев, о которых слагались корявые стихи, снабженные, разумеется, наивно-развратным любовным сюжетом...я не знаю эту девочку, честное слово, господин следователь, клянусь вам, святой отец, я не знаю эту девочку... мы разминулись с ней лет на 10-15... в детстве меня не было...

4,05 июня 19... года

...когда я утром выглянула в окно, этот тип стоял на противоположной стороне улицы, с таким видимо, будто провел здесь последние 700 лет, и именно вокруг него был возведен весь город... увидев меня, он улыбнулся... не более... я задернула шторы...

4,6 июня 19... года

...годы шли отцу только на пользу... он становился все привлекательнее и энергичнее, так

что в канун серебряной свадьбы мать угодила в дурдом: ревность и подозрительность изъела ее психику, как моль – ее же синюю шерстяную кофту, хранившуюся в шкафу «для особых случаев»... правда, вернулась мать довольно быстро, и юбилей таки состоялся.... хотя на всякий случай в качестве гостя все же присутствовал врач-психиатр... он стоял чуть поодаль от нарядной толпы наших родственников и коллег отца, практически не отбрасывая тени, держа в руках бокал с шампанским, из которого так ни разу и не отпил... доктор Рэднапп.

5 июня 19... года

...песочные часы остановились... никогда б не подумала, что такое возможно, но вот они, на книжной полке, воплощение простоты и гениальности, решившие вдруг последовать дурному примеру своих электронных и металлических собратьев**...**

5,2 июня 19... года

...после обеда пошла на рынок, с самозабвенным мазохизмом подставляя плечи струям солнечного кипятка, но не смогла заставить себя войти внутрь, в лабиринт прилавков, источавших самые разные, противоречивые запахи... лишь купила у самого входа грецких орехов – не

потому что *люблю* их, просто там больше ничего не продавалось...

5,34 июня 19... года

...почти в каждом молчании скрыто желание заговорить, пусть даже неосознанное... это превращает молчание в крик, который все слышат, но не подают вид, ведь в противном случае пришлось бы как-то ответить на этот крик, не слишком приятное обязательство... но сколько я ни прислушивалась на том юбилее к молчанию доктора Рэднаппа, я не услышала ничего, как если бы он изнутри был обит звукоизолирующим материалом... зато мое собственное молчание, видимо, было гулким, как вокзальное эхо... доктор заговорил первым...

6,1 июня 19... года

...мальчик с первого этажа заболел корью, я слышала, как утром его мать сообщила об этом консьержке... тот тип не появляется уже несколько дней... за стеной соседи раз за разом крутят одну и ту же пластинку, одна бесконечная песня о падении великой империи, и мне уже кажется, что я сама родом из этой империи... в небе то и дело нависает темно-серая туча, но так и улетает, не пролившись дождем... читаю между строк...

7,3 июня 19... года

...поначалу я называла его «доктор», потому что на тот момент это было единственной допустимой формой обращения... а позже – уже по привычке... или, может, из робкого желания хоть как-то соригинальничать... прошептать «доктор», скользя дыханием вниз по смуглой шее к идеально выточенной ключице... или, может, из суеверного страха произнести его имя, что непременно повлекло бы за собой какие-то неведомые, но ужасные последствия... доктор... доктор вылечил меня от приступов неприкаянности, превратив их в неприкаянность хроническую... подсадил на транквилизаторы наших нечастых встреч...ему было 44 – хороший для мужчины возраст, возраст, когда до звездной полуночи 45-и остается всего лишь минута, когда идеальная округлость числа еще неидеальна и оттого еще более привлекательна... к тому же, мне было 24, и я вновь и вновь с упоением складывала эти две цифры в нехитрые философско-математические уравнения...

7,7 июня 19... года

...консьержка была крайне удивлена, когда поздним утром, я принесла ей кусок пирога... «не думала, что ты умеешь готовить», – призналась она порядком растроганная... а я и не

умею ничего, кроме вот этого самого пирога и лучше вам не знать, из каких ингредиентов он состоит... я не пекла его уже так давно, что, испытав сегодня внезапное желание это сделать, удивилась, как если бы обнаружила у себя молочный зуб, выросший вместо зуба мудрости...

8, 26 июня 19... года

...нельзя сказать, что он меня не любил ...нельзя сказать, потому что это – правда, и правда эта серебряными, потемневшими от времени щипцами выдирает мне нервы, а это «несколько неприятно», как сказала наша экономка, упав однажды с лестницы и сломав три ребра... поэтому нельзя сказать, что он меня не любил... нельзя... зато я была его самой изумительной фантазией, которой он наслаждался на протяжении целых семи с половиной месяцев... он не придумывал себе утопический мир, как это делают многие... он подгонял реальный мир под угодную себе утопию... и тот охотно подчинялся...

9 июня 19... года

...мальчик с первого этажа выздоровел и ознаменовал это очередным визитом ко мне: на этот раз он принес нечто более традиционное – букет цветов... срезанных с балкона у соседки, увлекающейся разведением всякой экзотиче-

ской дурно пахнущей дряни... букет источал запах пороха и вазелина... рано или поздно его мать перестанет считать весь этот ритуал подношения милым и детским и устроит мне скандал... и смех, и грех, Господи... одновременно с мальчиком появился и этот тип, как если бы они были тенью друг друга... мы посидели на лестнице черного хода и замечательно помолчали минут 15-20... он чуть-чуть касался меня горячим плечом, и у меня не было сил отодвинуться, да и не стоила эта мелочь того, чтобы нарушать великолепную расстановку фигур и звуков на шахматной доске ступеней... а когда я раздевалась перед сном, то заметила на своем плече в этом месте крохотный ожог...

10, 4 июня 19... года

...разумеется, никто не знал о нашем романе... в лучших традициях жанра... да и никто не мог узнать, потому что отсутствовали две необходимые для этого предпосылки: мы не демонстрировали свою связь, а окружающие не имели ни малейшего желания выяснять что-либо касающееся моей или его личной жизни... и вообще-то этому следовало бы радоваться, но я почти огорчалась, потому что из-за этого мне иногда казалось, что нашего романа вообще не существует...

11, 03 июня 19... года

...я так часто и помногу жгу в фаянсовой чашке окровавленную бумагу, что утренний кофе уже начинает приобретать вкус пепла...и это даже вкусно...

11,2 июня 19... года

...сказав, что женщина всегда чувствует, когда ее собираются бросить, я всего лишь в страшно подумать который раз повторю банально-пафосную истину, которую так любят с горьким вздохом и приглушенно-стальным блеском в глазах изрекать представительницы моего пола... сказав же, что однажды доктор Рэднапп решил несколько изменить структуру своей утопии, и фантазия меня в эту новую структуру уже не вписывалась, повторю ту же истину, только чуть вычурнее... но не все ли равно?... важно лишь, что однажды я ощутила, что его привычный нежный поцелуй чуть пониже виска – это уже не поцелуй, а выстрел из пистолета с глушителем... и если сегодня он промахнулся, но в один из следующих разов непременно попадет... если, конечно, я не догадаюсь вежливо откланяться сама... но я никогда не отличалась хорошими манерами...

13 июня 19... года

...с тех пор, как этот тип поселился в доме за углом и стал методично продвигаться ферзем на

мою территорию, прошло уже полтора месяца... сегодня, я все же спросила его о том, что он, собственно, на этой самой территории собирается делать... он немного удивленно вскинул темные брови, улыбнулся, покачал головой и ничего не ответил... по-моему, вся эта пантомима говорит о том, что он и сам еще толком не знает...

14,004 июня 19... года

...ну кто бы спорил, стараться свести с ума собственную мать, чтобы хоть как-то привязать к своему дому ее лечащего врача – это отвратительно... и я понимаю это сейчас, но тогда мне казалось, что маме, по большому счету, все равно нечего терять, да и не собиралась я доводить ее до настоящего безумия, а всего лишь... да зачем я оправдываюсь перед бумагой, которая уже через несколько минут станет всего лишь привкусом пепла в чашке кофе?... как назло, в тот период мой, никогда особо не чтящий супружескую верность отец вел себя практически безупречно... а потому мне пришлось проявлять чудеса изобретательности, регулярно подбрасывая матери вещдоки его якобы адюльтера...

15 июня 19... года

...сегодня неожиданно сильные порывы ветра поднимают с земли пыль, застилая ею

небо и солнце... невозможно выйти на улицу, тут же не пропитавшись насквозь этой тяжелой темной пылью, не заполнившись ею, как мои безвременно скончавшиеся песочные часы... говорят, такое тут редко бывает... я сделала холодный чай с медом и лимоном и почти весь день пролежала на незастеленной постели, вычитывая отрывки из какой-то книги... когда доктор Рэднапп был нежен, нежность его граничила с изощренной жестокостью, когда же он, забавы ради, давал волю жестокости, она была слишком нежна... в любом случае мне оставалось лишь сжимать его холодные запястья, пытаясь удержаться на плаву...

17,7 июня 19... года

...открыв утром шкаф, поняла вдруг, что у меня совсем нет зимних вещей... следующей мыслью было то, что, вероятно, до зимы я попросту не доживу... впрочем, я еще успела посмеяться над собственной унылой экзальтированностью, прежде чем на меня обрушился небосвод в виде приступа головной боли...

18,05 июня 19... года

...не знаю, не знаю, что делать, чтобы почувствовать себя чуть лучше физически и перестать барахтаться в психосоматических силках

– то ли больше гулять, то ли меньше вспоминать, то ли пригласить этого типа на кофе из моей единственной чашки и отдать себя ему на откуп, в надежде, что, завладев моим телом, он сумеет установить в нем какой-то простой и гениальный порядок, словно практичный и не отягощенный предрассудками новый хозяин старой усадьбы...

20 июня 19... года

...теперь доктор Рэднапп стал часто появляться у нас в доме... бывало, что его приходилось вызывать даже среди ночи, и тогда я втайне радовалась, что, возможно, его вытащили из постели новой любовницы... хотя вряд ли он успел бы уже ею обзавестись... я не старалась попадаться ему на глаза, напротив, скорее избегала этого, и лишь иногда он ловил в зеркале мое мелькнувшее отражение или слышал мои шаги и голос в холле или гостиной... в один из таких разов мне вдруг подумалось, что именно этой ужасной чертой – способностью потерять рассудок из-за мужчины – мы с матерью и похожи... что это – и есть то единственное, что я от нее унаследовала, та заветная связывающая нас черта характера, которую она безуспешно искала во мне все мое детство, пока не махнула рукой: «ты вся в отца, вся, ничего моего...»

20,7 июня 19... года

...становится все жарче, конец июня как медная монета, брошенная на жаровню, а я – профиль, отчеканенный на этой монете... купила вентилятор с разноцветными лопастями, до того странный и нелепый, что, кажется, даже стены моей комнаты передернулись, когда я внесла его внутрь... а поднимаясь по лестнице, наткнулась на растерянную улыбку мальчика с первого этажа – он как раз вышел из своей квартиры и, кажется, хотел было помочь мне тащить вентилятор, но я обняла свою покупку, как краденое дитя, и прошла мимо него, старательно глядя под ноги...

21,21 июня 19... года

...меня надо бы лишить лицензии на жизнь, выдать какой-нибудь волчий билет, который бы останавливал меня всякий раз, когда вдруг грешным делом решу дышать чуть активнее, или который я могла бы показать тем, кто пытается заставить меня так дышать...

23 июня 19... года

...доктор Рэднапп настаивал на госпитализации... отец однако все колебался – быть может, боялся огласки, которой едва удалось избежать в первый раз, а может, и в самом деле

ему было жаль жену, пусть даже давно уже нелюбимую... я, в свою очередь, в силу понятных причин тоже была категорически против, а по ночам видела липкие и реалистичные, словно таракан за пазухой, кошмары о том, что авантюра моя раскрыта... но, видимо, какой-то темный покровитель лгунов и интриганов был на моей стороне, и я продолжала мутить воду незамеченной... проще всего было, отправившись за покупками или к подруге, или еще куда-нибудь, зайти по дороге в телефонную будку, набрать наш домашний номер и несколько секунд помолчать в трубку... действовало безотказно – в тот же вечер доктор Рэднапп, мрачнее тучи, вновь появлялся на пороге нашего дома... в итоге они с отцом договорились не помещать мать в клинику, но прикрепить к ней опытную сиделку...

23,8 июня 19... года

...я никогда прежде не видела любовниц отца... но если все они были похожи на эту женщину, то родитель мой определенно был извращенцем со склонностями к некрофилии... присланная доктором Рэднаппом сиделка походила на наспех реставрированное привидение, однако у отца завязался с нею роман, который я, увлеченная своими доморощенными

кознями, заметила далеко не сразу... наверно, примерно то же самое должен испытывать ребенок, играющий на ковре в войну, когда стена вдруг разрушится и в комнату въедет настоящий танк... к тому же, я никогда прежде не видела отцовские шашни вот так близко, на расстоянии вытянутой руки... а руки этой женщины, которые так ласково сжимал отец, были покрыты очень тонкой и очень сухой на вид кожей, точь-в-точь, как папиросная бумага, из которой он в раннем детстве мастерил мне крохотные самолетики... она была молчалива, и, на мой взгляд, слишком рассеянна для медсестры... разумеется, они всячески скрывались, но по какому-то жестокому закону я то и дело натыкалась на них, то в библиотеке, то в саду, то еще где-то и уже ни у кого из нас не было сил делать вид, что ничего не происходит... чувство вины, у каждого свое, превратило нас в ненавидящих друг друга заговорщиков, и я уже всерьез задумывалась о том, чтобы начать воровать у матери снотворное, транквилизаторы и прочие «таблетки от себя», которыми в изобилии снабжал ее мой треклятый доктор Рэднапп... однажды, столкнувшись с ним в холле, я с трудом удержалась от того, чтоб не броситься открыто ему на шею, в ноги, неважно куда, и забиться в истерике, умоляя уже не о любви, а

хотя бы о покое, о том, чтобы он как-то разрешил все более усугубляющую ситуацию...

26,02 июня 19... года

...если включить вентилятор, сесть перед ним на пол и закрыть глаза, то все мироощущение сужается и упрощается до легчайшей щекотки – это обдуваемые ветром волосы касаются лица и шеи...

26,19 июня 19... года

...«настоящие женщины улыбаются шепотом» – учила меня в раннем отрочестве тетка, папина сестра... улыбаются шепотом... и до сих пор я иногда пытаюсь изобразить такую улыбку перед зеркалом, хотя стать «настоящей женщиной» уже давно не надеюсь... улыбка неизменно превращается в гримасу химеры на фасадах старинных соборов – мне претят эти собственные попытки...

27,3 июня 19... года

...когда поднялся шум, я была на кухне, готовая поддаться уговорам экономки и выпить какой-то феерически-полезный травяной отвар от бессонницы и еще сотни других недугов... отвар уже закипал, источая запах то ли разлагающихся деревьев, то ли русалочьего молока...

шум доносился со второго этажа, там где находились спальни родителей, сперва это было лишь глухое биение звуков о стены, но с каждой секундой становилось все громче, так что мы с экономкой обе бросились выяснять, что случилось... а ведь и не случилось-то ничего сверхъестественного, лишь то, чего вполне можно было ожидать, нечто очень предсказуемое и, можно сказать, даже примитивное – мать застала таки отца с его новой пассией и устроила грандиозный скандал, ибо в ту минуту ей показалось, что все частицы бреда, преследующего ее все это время, наконец соединились, и все подозрения подтвердились... измена отца таким образом, стала в ее глазах гораздо глобальнее, нежели была на самом деле, потому что к реально существующим фактам примешались еще и иллюзорные, столь ловко сымитированные мною... «хорошо, что доктор Рэднапп как раз должен зайти», – шепнула мне экономка, – «уж он-то сумеет справиться»... и в самом деле, будто по режиссерскому замыслу, доктор уже бежал через холл, с порога поняв, что творится... я не пыталась вмешиваться в происходящее, а лишь стояла, прислонившись к стене, на подкашивающихся ногах и, пожалуй, не испытывала ничего, кроме всепоглощающей усталости...